"Russia in the 20th century: the fortunes of historical science".

The book continues the series of publications, devoted to the study of history in the 20th century Russia. The authors, both native and foreign, historians, followers of different trends and schools, investigate the condition of historical studies in Russia in the 20th century, its rise in the pre-revolutionary time, its difficult and contradictory fortunes during the Soviet period and its complicated metamorphoses in the time of liberalization of public life since the mid 1980-s. The authors tend to cast a new glance on the problem of historical research, to free it from ideological accents, approach in a new way some personalities and historiographical problems which seem to be well-known.

The book consists of six sections: 1) Methodological aspects; 2) Russian historical science at the turn of the century; 3) The 1917 Revolution: at the crossing of historical opinions; 4) Russian historical science in the 1920–1950-s; 5) From "thaw" to "perestrojka"; 6) Science and power.

ДАР
исторической
библиотеки России
акад.
Тихвинского С. Л.

Moscow "Nauka"
1996

Л 306 860

РОССИЯ в XX веке

Судьбы исторической науки

Под общей редакцией
члена-корреспондента РАН А. Н. САХАРОВА

ИЗ БИБЛИОТЕКИ АКАДЕМИКА С.Л.ТИХВИНСКОГО

Москва "Наука"
1996

четко проведена тенденция сугубо положительной оценки роли крымских ханов в истории Восточной Европы.

К настоящему времени назрела необходимость комплексного изучения истории Крымского ханства с привлечением как отечественных, так и всех зарубежных источников (в первую очередь, турецких). Специалисты по отечественной истории и востоковеды-тюркологи должны объединить свои усилия. И крайне важно полностью освободиться от конъюнктурных соображений как дня вчерашнего, так и дня сегодняшнего. Более чем 350-летний период крымской истории заслуживает объективного исследования.

[1] *Смирнов В.Д.* Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты до начала XVIII в. СПб., 1887; *Бертье-Делагард А.Л.* Исследование некоторых недоуменных вопросов средневековья в Тавриде // Записки Одесского общества истории и древностей (ЗООИД). 1915. Т. 32; *Мурзакевич Н.Н.* История генуэзских поселений в Крыму. Одесса, 1837; *Лашков Ф.Ф.* Сельская община в Крымском ханстве. Симферополь, 1887; и др.

[2] Вышло 33 тома "Записок Одесского общества истории и древностей" (1844–1919) и 57 томов "Известий таврической ученой архивной комиссии" (1887–1920).

[3] Крым (М.), 1925–1929. № 1–10; Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии. Симферополь, 1927–1931. Т. 1–4.

[4] См. об этом: *Шмидт С.О.* Краеведение и документальные памятники. Тверь, 1992. С. 61–68; *Акиньшин А.Н.* Судьба краеведов (конец 20-х – начало 30-х годов) // Вопр. истории. 1992. № 6/7. С. 173–178; *Алпатов В.* История одного мифа. Марр и марризм // Знание–сила. 1990. № 11. С. 69.

[5] *Новосельский А.А.* Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII в. М.; Л., 1948.

[6] См. например: *Кузнецов А.Б.* Дипломатическая борьба России за безопасность южных границ (первая половина XVI в.) Минск, 1986.

[7] *Усманов М.А.* Жалованные акты Джучиева Улуса XIV–XVI вв. Казань, 1979.

[8] На это обратил внимание Я.Р. Дашкевич (см. его статью "Тюркские источники об Украине XVI–XVIII вв.: Актуальные аспекты публикации" // Сов. тюркология. 1990. № 3. С. 24).

[9] *Berindei M., Veinstein G.* La Tana-Azaq de la présense italienne à l'emprise ottomane // Turcica. P.-Strasbourg, 1976. T. VIII/2; Idem. sa présence ottomane au sud de la Crimée et en Mer d'Azov dans la première moitié du XVI siècle // Cahiers du monde russe et soviétique. 1979. Vol. 20, N 3/4; Le khanat de Crimée dans les Archives du Musée du Palais de Topkapi. P., 1978.

[10] *Возгрин В.Е.* Исторические судьбы крымских татар. М., 1992.

ВСЕСОЮЗНАЯ ПЕРЕПИСЬ НАСЕЛЕНИЯ 1939 г. В ИСТОРИОГРАФИИ: ОЦЕНКА ДОСТОВЕРНОСТИ

В.Б. Жиромская

(Москва)

В последнее время обострился интерес научной общественности и у нас в стране и за рубежом к оценке достоверности данных Всесоюзной переписи населения 1939 г. Интерес этот вполне закономерен, поскольку данные переписи являются точкой отсчета численности населения СССР и России в канун второй мировой войны. Особое значение этой цифры объясняется и тем, что она играет большую роль при исчислении потерь советского народа и в 30-е годы и в годы Великой Отечественной войны.

В литературе, рассматривающей данные переписи 1939 г. с точки зрения их достоверности, можно выделить условно три направления. Одни ученые считают, что перепись фальсифицирована настолько, что использование ее данных нецелесообразно. Мы имеем в виду категорическое заявление на этот счет Ю.В. Симченко, прозвучавшее в телеинтервью от 31 марта 1991 г. (передача "До и после полуночи"). Эта же мысль, хотя и не в столь резкой форме, выражена в предисловии подготовленного под его руководством к изданию некоторых материалов переписи 1939 г. в серии "Народы мира" (Ин-т этнографии РАН, 1991). Однако Ю.В. Симченко, констатируя сам факт фальсификации, не делал попыток определить ее величину. Достаточно непримиримо настроен по отношению к данным по численности населения в переписи 1939 г. и М.С. Тольц[1]. Правда, такая позиция Тольца связана с тем, что он постоянно сравнивает данные этой переписи с переписью 1937 г. и через их критику доказывает достоверность и достоинства материалов переписи 1937 г. Справедливость требует признать, что он при этом несколько увлекается критикой итогов переписи 1939 г.

Другие исследователи, и их большинство, отмечая факт фальсификации, считают ее незначительной и пользуются переписью 1939 г. без каких-либо поправок. Например, С.И. Брук использует данные переписи 1939 г. по численности населения СССР в своем справочнике "Население мира"[2], В.А. Исупов[3] при анализе численности населения городов Сибири в большинстве случаев опирается в конечном итоге на

© В.Б. Жиромская

те же данные переписи 1939 г. по общей численности населения СССР, не внося в них корректировки.

Наконец, третья группа ученых, признавая факт фальсификации итогов переписи по численности населения в переписи 1939 г., полагает, что ими можно пользоваться при внесении соответствующих поправок (Е. Андреев, Л. Дарский, Т. Харькова[4], В.Б. Жиромская[5], В.В. Цаплин[6]).

При этом важно отметить, что исследователи второго и третьего направлений сходятся во мнении, что фальсификация была допущена незначительная по своей величине. Так, В.В. Цаплин на основании расчетов по естественному приросту населения и сопоставления их с данными переписи 1939 г. считает, что численность населения СССР на январь 1939 г. составляла 168,8 млн человек[7] вместо 170,5 млн, фигурировавших в переписи, т.е. фальсификация составила 1,7 млн переучета. Трудно опираться в данном случае на данные о естественном приросте населения, поскольку они были явно завышены. Напротив, С.И. Брук полагал, что данные переписи даже занижены в связи с недоучетом населения, поскольку в Сибири и на Дальнем Востоке, где должны были быть сосредоточены места массового заключения, перепись не зафиксировала заметного увеличения населения[8]. Следовательно, Брук считает, что перепись недоучла заключенных. Однако его выступление с этой точкой зрения прозвучало на Таллинской конференции по исторической демографии (октябрь, 1988), когда еще не было известно, что сохранились материалы спецпереписи НКВД, учитывавшей заключенных. Результаты спецпереписи были приплюсованы по численности населения переписи 1939 г. Но при этом, чтобы скрыть места заключения, переписные листы на заключенных были перераспределены "мелкими пачками" равномерно по различным районам страны. См. подробнее об этом во вступительной статье к изданию "Всесоюзная перепись населения 1939 г.: основные итоги" (М., 1993). Та же операция была произведена и с военнослужащими. Поэтому в особо тщательной поправке нуждаются порайонные данные по численности населения в переписи 1939 г. В архивах сохранились подробные указания о размерах их фальсификации, что делает возможным исчисление действительных данных.

В последнее время, точнее в 1990 г. были опубликованы одновременно два секретных письма в правительство Сталина–Молотова. Первое письмо, более раннее, принадлежит начальнику Центрального управления народно-хозяйственного учета И. Саутину от 10 февраля 1939 г.[9] и второе – председателю Госплана СССР Н. Вознесенскому и тому же И. Саутину от 21 марта 1939 г. В обоих письмах приводится подлинный итог численности населения СССР, зафиксированный переписью 1939 г. – 167,3 млн. Таким образом, расхождение с официально опубликованной цифрой составляет 3,2 млн. Встает вопрос о том, вся ли эта прибавка-приписка является необоснованной. Известно, что она была произведена с контрольных бланков, которые заполнялись по

окончании переписи и в целях ее проверки во время контрольных обходов переписных участков. Целью этих контрольных обходов была проверка полноты учета населения, но в условиях требований "сверху" (в целях сокрытия потерь населения) обеспечить как можно более высокую цифру его численности, создавалась благоприятная атмосфера для приписок. Исходя из практики последующих переписей, в частности переписи 1959 г., и имея в виду опыт переписи 1937 г., почти все исследователи не исключают недоучета населения и в ходе переписи 1939 г., т.е. считают цифру 167,3 млн неполной.

Так, М.С. Тольц считал в связи с этим, что необходимо внести поправку в 0,8 млн человек по аналогии с переписью 1959 г. Таким образом, его цифра численности населения – 168,1 млн и стало быть фальсификация составляет 2,4 млн[10]. По мнению работников НИИ Госкомстата СССР Е. Андреева, Л. Дарского, Т. Харьковой оправданная поправка, приписанная с контрольных бланков, и вероятная поправка на недоучет населения составили 1,5 млн, т.е. численность жителей СССР равна была 168,9 млн, а фальсификация – 1,6 млн, или 1,0%[11]. Эти расчеты были близки к результатам, к которым пришел и В.В. Цаплин[12]. Таким образом, неоправданная приписка достигла 2,4 млн, или 1,4%. По расчетам С. Максудова необоснованное преувеличение населения в переписи 1939 г. равнялось 1,5–2 млн, т.е. 0,9–1,2%. Отсюда население составили 168,5–169 млн человек[13]. В.А. Исупов пишет, что при переписи был возможен недоучет населения в пределах 1–1,5%, т.е. иными словами оправданная коррекция равна 1,7–2,5 млн, а численность населения – 169–169,8 млн. Размеры фальсификации не превышают 0,7–1,5 млн человек[14], или 0,4–0,9%.

Как видно, все авторы сходятся во мнении, что в переписи был допущен небольшой недоучет населения, но под нажимом правительства организаторы переписи не только восполнили его, используя контрольные бланки, но и сознательно преувеличили численность населения, фальсифицировав тем самым итог переписи. Фальсификация по разным подсчетам составила от 0,4 до 1,4%.

Мы полагаем, что недоучет населения, допущенный при переписи в 1939 г., довольно мал. Из всех предложенных поправок мы можем согласиться (по аналогии с практикой переписи 1937 г., а также принимая в расчет данные текущей статистики) на поправку 0,2%, или на 1,3–1,4 млн человек. В этом случае итоговая численность населения на начало 1939 г. не будет превышать 167,6–167,7 млн, а преднамеренная фальсификация – около 2,8–2,9 млн (1,7%). В столь малом недоучете населения нас убеждает и сама организация переписи 1939 г. Каждый человек переписывался лично, и лишь в исключительных случаях сведения о нем собирались у родственников и соседей, затем они проверялись по домовым книгам. Предусматривалось неоднократное посещение респондента счетчиком. Счетчиков тщательно готовили к проведению переписи на специальных курсах. Чтобы не переписать когодибо дважды, прошедшему перепись выдавали справку о том, что он ее

прошел, если он в период переписи менял свое местонахождение. Приведены были в порядок в канун переписи домовые книги и подворные книги в городах и селах, проводилось упорядочение названий улиц, площадей, переулков, нумерации домов. Были составлены и проверены схематические карты районов во избежание пропусков участков, развернута массированная пропагандистская кампания под лозунгом "Не пропустить ни одного человека!". Под этим лозунгом было развернуто социалистическое соревнование между районами, городами и селами.

Впервые в практике советского переписного дела было введено уголовное наказание за уклонение от переписи. был издан специальный секретный указ СНК СССР о розыске и учете во время переписи бездомного и непрописанного в городах населения. В этих целях предписывалось обыскать все чердаки и подвалы, котлы для варки асфальта и другие места, где могло укрываться подобное население. Были посланы экспедиции в пески Кара-Кума и за Северный полярный круг в поисках мест обитания человека, еще неизвестных до того времени.

В этих условиях трудно предполагать наличие больших пропусков населения. Конечно, если недоучет и был допущен, то самый минимальный. Во всяком случае в первое время контрольные обходы ощутимых результатов не давали, изыскивались по нескольку, иногда десятков, человек, пропущенных при переписи. Тогда на счетчиков и инспекторов, проводивших контрольные обходы, было оказано давление. Некоторые из них работали еще при переписи 1937 г., и им было недвусмысленно указано на трагическую судьбу организаторов этой переписи, якобы допустивших недоучет населения. Примером может служить постановление Тамбовского областного УНХУ за подписью Ф.А. Лобанова. Оно содержало прямую угрозу районным инспекторам Костину, Тулякову и Дербеневу, которые, кроме последнего, обнаружившего всего 13 человек недоучтенных на своем участке, осмелились заявить, что пропусков населения в их районах нет. Но и эти 13 выявленных Дербенева не спасли. Все трое были обвинены в формальном отношении к делу, при этом подчеркивалось, что товарищи, принимавшие участие в переписи 1937 г., должны понимать, что основной дефект той переписи – недоучет населения, повтор ошибок не допускается. К тому же из центра постоянно требовали вынесения выговоров за небрежно проведенные контрольные обходы. На инспекторов и счетчиков посыпались "проработки". После одной такой "проработки" инспектор Афанасьев той же Тамбовской области сразу обнаружил 287 человек, пропущенных счетчиками. Таких примеров множество. При этих обстоятельствах контрольные бланки, заполненные во время сплошных обходов, не могут, на наш взгляд, пользоваться доверием.

Таким образом, учитывая все сказанное, можно сделать вывод, что хотя фальсификация общего итога численности населения СССР имела

место в переписи, она незначительна по своей величине. Материалами переписи можно пользоваться, но при условии коррекции.

Если численность населения Союза в целом привлекла усиленное внимание исследователей, то итог по численности населения России пока еще ими не затрагивался. Между тем фальсификация имела место и здесь. Однако имея сведения о механизме и величине приписок, нетрудно рассчитать действительную численность населения России на начало 1939 г.

Население РСФСР по официальным данным составляло 109 397 463 человек. Из этого числа необходимо вычесть необоснованную приписку, рассчитанную нами на основании архивных материалов. Ее величина – 2,5 млн человек. Таким образом, подлинное население России насчитывало 106,9 млн человек[15].

На сегодняшний день пока лишь в немногих работах отмечается факт фальсификации в переписи 1939 г. численности городского населения. Этот вопрос рассматривался автором настоящей статьи еще в 1990 г.[16], когда отмечался только сам факт фальсификации числа городских жителей в переписи 1939 г., но поправки еще не были рассчитаны. Впоследствии эта работа была продолжена ею на общесоюзном материале[17]. В 1991 г. В.А. Исупов опубликовал расчеты поправок к населению некоторых городов Сибири[18]. Так он считает, что к населению Омска было приписано 5,5 тыс. человек, Тюмени – 1,5 тыс. человек, и т.д. Однако следует отметить, что приписка им выявлена лишь частично, в ней определена приписка перераспределенных заключенных, о чем мы уже упоминали выше. Не учтены процент общей приписки и приписка военнослужащих, также перераспределявшихся по разным населенным пунктам из мест дислокации.

Численность сельского населения с точки зрения оценки достоверности данных в литературе еще не рассматривалась. Между тем именно в сельской местности концентрировались места заключения и перераспределение их по территории страны происходило оттуда. То есть другими словами, в части сельских районов население оказалось приуменьшено и коэффициенты поправки в сельских районах довольно неравномерны, поэтому численность населения каждого района здесь надо рассматривать особо. Поправка в целом колеблется в пределах от 1,5 до 6,0%[19]. Между тем большинство специалистов-аграрников среди исследователей этого периода пользуются данными по численности населения без всяких поправок.

Что касается численности городского и сельского населения в России по данным переписи 1939 г., то вопрос этот в литературе еще не ставился.

Выяснение этого вопроса невозможно без сопоставлений данных двух переписей – 1937 и 1939 гг.

Кроме того, приходится учитывать ту ситуацию, в которой проводились обе переписи. От переписи 1937 г. ожидалось, что она будет ярким показателем "грандиозных" успехов страны в области индустриа-

лизации. Предполагалось "в свете" выступления И. Сталина[20], что численность городского населения удвоится, т.е. достигнет 52 млн по сравнению с переписью 1926 г., когда число городских жителей составляло 26 млн.

Прогноз этот якобы подтвердился, что само по себе вызывает подозрение, тем более что это был единственный прогноз вождя. В строго засекреченном письме начальника Центрального управления народно-хозяйственного учета И.А. Краваля в ЦК ВКП(б) и СНК СССР И.В. Сталину и В. Молотову, написанном в марте 1937 г., фигурирует цифра 51,9 млн горожан. Однако необходимо принять во внимание, что письмо написано в оправдание итогов переписи по численности населения и тон его извиняющийся. Бросается в глаза, что главная цель И. Краваля – спасти перепись от опалы, подтвердить и доказать ее достоверность, когда над ней и ее организаторами был занесен дамоклов меч. Общая численность городского населения Союза в этих условиях – один из главных козырей начальника ЦУНХУ. В этом убеждает пышное представление данной цифры: "Таких темпов роста городского населения (удвоение за 10 лет) не знает и не знала ни одна страна в мире!" – восклицает Краваль[21]. Фраза выбивается из общего настроя письма, проникнутого предчувствием нависшей угрозы. Невольно возникает сомнение в подлинности цифры, названной в письме Краваля.

Обратимся к архивным данным. Во-первых, во всех разработочных таблицах, например по половозрастной структуре населения, городское население составляет 43,7 млн человек[22]. В это число не включены военнослужащие, но в городах их было всего 1,3 млн[23]. Вместе с ними городское население насчитывало 45 млн.

Кроме того, сохранилась секретная записка главного руководителя спецпереписи НКВД, полковника В. Цесарского, где указана та же цифра городского населения, что и в разработочных таблицах,– 43,7 млн[24]. Строго говоря, все записанные за городами военнослужащие не являлись постоянными городскими жителями. Исходя из всего сказанного, можно определить процент приписки к городскому населению, он составляет 14. Теперь, зная примерный процент приписки можно вычислить и городское население России. В переписи 1937 г. указана цифра 34,4 млн (без военнослужащих), за вычетом приписки остается 29–30 млн человек, поскольку она насчитывает 4,5 млн. К сожалению, неизвестно, какое количество военнослужащих было дислоцировано на территории России и ее городов. Поэтому более точной цифры мы назвать не можем.

Судя по разработочным таблицам и записке В. Цесарского цифра 43,7 млн относилась к утвержденным городам и поселкам городского типа, список которых был принят ЦУНХУ за основу при переписи. Кроме того, существовали рабочие поселки, не утвержденные в качестве городских поселений. За счет их населения и было, по всей вероятности, увеличено число горожан. Трудно теперь судить о том,

правомерно ли было это действие, однако вряд ли все "скопом" жители рабочих поселков могли быть отнесены к горожанам. Вопрос этот требует дополнительного изучения.

Уточнения требует и цифра городского населения в переписи 1939 г. Официальная цифра – 55 910 тыс. жителей[25]. Нельзя опять-таки не принимать во внимание, что этот вопрос решался также в "свете" сталинских указаний. В связи с этим он был даже объявлен в печати делом большой политической важности. На совещании начальников УНХУ и Бюро переписи центра было решено "проявить большое усердие" в учете городского населения[26]. В связи с этим началась большая работа по пересмотру статуса рабочих поселков и сел. Такая работа по традиции проводилась перед каждой переписью. Но на этот раз на нее обращалось особое внимание. Это внимание было в значительной степени оправдано в связи с индустриализацией и урбанизацией страны, которые действительно развивались форсированными темпами. В основу были положены разработанные еще в 1924 и 1925 гг. статусы городских и сельских поселений. В эти документы были внесены коррективы. В частности, учитывалось не только единство застройки при определении города, но и подчинение поселения городскому или сельскому советам. Однако очень скоро почувствовалась погоня за определенной цифрой городского населения. Во все концы страны полетели указания форсировать эту работу. Начальник ЦУНХУ И. Саутин откровенно писал в СНК СССР, что если ряд населенных пунктов, общее число жителей которых составляет в РСФСР 1,9 млн человек, а на Украине – 2,4 млн, не будет до переписи переведен в городские поселения, то общая численность населения в городах окажется приуменьшенной на 4–5 млн[27].

Погоня за определенной еще до переписи цифрой населения в городах привела к тому, что в ряде случаев с городскими границами обращались довольно свободно. В частности, нарушался критерий принадлежности поселений к городскому или поселковому советам. Так, все дачные поселки и села, в которых проживали рабочие и служащие Москвы и Ленинграда (около 400 тыс. человек) были приписаны к этим городам, а между тем большая часть их находилась в ведении поселковых советов[28].

В целях ускорения этой работы на заседании у М.И. Калинина решено было обратиться с письмом к местным Верховным Советам, чтобы те у себя в регионах провели обоснованный перевод сельских поселений в городские. Такая работа была организована в спешке и в одностороннем порядке: обратного перевода городов, как это было при других переписях, в села не проводилось. Кроме того, "сверху" постоянно предписывалось ускорить и завершить эту работу. В результате предпринятых усилий были получена ожидаемая цифра, более чем в два раза превышающая численность горожан в 1926 г.

Однако в письме И. Саутина от 10 февраля, которое приводилось выше, сообщена не только цифра зафиксированной переписью общей

численности населения СССР, но и численность городского населения – 52,4 млн человек (без армии и заключенных)[29]. Но зато в эту цифру включены те 4–5 млн, о которых писал Саутин, касаясь статуса городов и сел. Исходя из сказанного, можно предположить, что численность горожан в СССР не превышала 47–48 млн (без армии и заключенных). То есть неоправданная приписка составила 8–10%.

Имея в виду выявленный нами механизм приписок, попытаемся приблизительно определить численность городского населения России. По официальным данным число горожан в РСФСР достигло 36,8 млн. Отсюда необходимо вычесть 1,9 млн, о которых писал И. Саутин. Итог – 34,9 млн. По архивным данным поправка к городскому населению может быть исчислена в 6% помимо 1,9 млн. Вся приписка составит примерно 11%, а нефальсифицированная численность городского населения России без армии и заключенных не превысит 32–33 млн человек[30].

Соответствующие расчеты можно провести по всем регионам России, но пока таких исследований еще не было.

Очищение переписи 1939 г. от фальсификации требует тщательного изучения всего комплекса материалов переписи и должно продолжаться совместными усилиями ученых Российской академии, сотрудников Комитета по статистике СНГ и зарубежных исследователей.

[1] *Тольц М.С.* Репрессированная перепись // Родина. 1989. № 11. С. 60. *Он же.* Недоступное измерение // В человеческом измерении. М., 1989. С. 331.

[2] *Брук С.И.* Население мира: Этнодемографический справочник. М., 1986. С. 129, 133, 134; и др. См. также: Социально-демографическая структура и воспроизводство населения в России и СССР. Таллин, 1988; Тезисы VI Всесоюзной конференции по исторической демографии. М., 1988. С. 18–19.

[3] *Исупов В.А.* Городское население Сибири: от катастрофы к возрождению (конец 30-х – конец 50-х годов). Новосибирск, 1991. С. 14–15.

[4] *Андреев Е., Дарский Л., Харькова Т.* Опыт оценки численности населения СССР, 1926–1941; Крат. результаты исследований // Вестн. статистики. 1990. № 7. С. 38.

[5] *Жиромская В.Б.* Всесоюзные переписи населения 1926, 1937, 1939 гг.: История подготовки и проведения // История СССР. 1990. № 3. С. 86. 102; *Она же.* Перепись 1939 г. // Всесоюзная перепись населения 1939 г.: Основные итоги. М., 1993. С. 6–7.

[6] *Цаплин В.В.* Статистика жертв сталинизма в 30-е годы // Вопр. истории 1989. № 4. С. 180–181.

[7] Там же.

[8] *Брук С.И.* Указ. соч.; *Он же.* Выступление на VI Всесоюзной конференции по исторической демографии. Таллин, 1988.

[9] *Поляков Ю.А., Жиромская В.Б., Киселев И.Н.* Полвека молчания: Всесоюзная перепись населения 1937 г. // Социол. исследования. 1990. № 8. С. 49–50.

[10] *Тольц М.С.* Недоступное измерение. С. 331; *Он же.* Репрессированная перепись. С. 60.

[11] *Андреев Е.* и др. Указ. соч. С. 38.

[12] *Цаплин В.В.* Указ. соч.

[13] *Максудов С.* Потери населения СССР в годы коллективизации // Звенья (М.). 1990. № 1. С. 77–78.

[14] *Исупов В.А.* Тайны советской статистики // Вестн. АН Сиб. отд. Сер. История, филология и философия. Новосибирск, 1991. Вып. 1. С. 33.

[15] Российский государственный архив экономики. Ф. 1562. Оп. 336. Ч. 1. Д. 242. Л. 3 об.; Оп. 329. Д. 280. Л. 9 (Далее: РГАЭ).

[16] *Жиромская В.Б.* Всесоюзные переписи населения 1926, 1937, 1939 гг. ... С. 92.

[17] Там же; *Она же.* Перепись 1939 г. С. 15.

[18] *Исупов В.А.* Указ. соч. С. 33.

[19] РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 278–281 (подсчеты автора).

[20] *Сталин И.В.* Речь на совещании передовых комбайнеров и комбайнерок с членами ЦК ВКП(б) и правительства 5 декабря 1935 г. М., 1947. С. 5.

[21] РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 143. Л. 12.

[22] Там же. Д. 144. Л. 1.

[23] Там же. Д. 142. Л. 27.

[24] Всесоюзная перепись населения 1937 г.: Крат. итоги. М., 1991. С. 73.

[25] Правда. 1939. 2 июня; 1940. 29 апр.

[26] РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Ч. 1. Д. 77. Л. 17.

[27] См.: *Жиромская В.Б.* Всесоюзные переписи населения 1926, 1937, 1939 гг. С. 92.

[28] Там же.

[29] См.: *Поляков Ю.А., Жиромская В.Б., Киселев И.Н.* Указ. соч. С. 50.

[30] РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 279–280 (расчеты автора).

[15] Op. cit. P. 22.
[16] См.: *Еисенгоуер, Сусан, Сагдеев, Роалд*. Sakharov in His Own Words // Sakharov Remembered / Ed. Sidney Drell and Sergei P. Kapitza. N.Y., 1991. P. 93–94.
[17] Op. cit. P. 94.
[18] *Adamski V.B.* Becoming a Citizen // Andrei Saxarov. Facets of a Life. P. 38–39.
[19] За сообщение данного факта автор благодарит Давида Киржница.
[20] *Алтшулер Л.С.* С. 48.
[21] Центр хранения современной документации. Ф. 5. Оп. 66. Док. 168; Известия, Правда с 29 авг. 1973 г. (для опубл. писем).
[22] Центр хранения современной документации. Ф. 89. Переч. 16. Док. 14.
[23] Academician Anderei Sakharov // Andrei Sakharov: Facets of a Life. P. 12.
[24] Op. cit. P. 12.
[25] Scientific Method of A.D. Sakharov // *Алтшулер Б.* Report of the First International A.D. Sakharov. Conference on Physics. M., 1991. C. 5.
[26] Центр хранения современной документации. Ф. 89. Переч. 14. Док. 41.

ГОСУД. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА РСФСР
№_____ г.

ГПИБ России

СОДЕРЖАНИЕ

А.Н. Сахаров. (Москва). Историческая наука на перепутье..... 5

I

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

А.Н. Сахаров (Москва). Новая политизация истории или научный плюрализм? (О некоторых тенденциях в мировой историографии истории России XX в.)..... 11
В.П. Данилов (Москва). Современная российская историография: в чем выход из кризиса?..... 22
Ю.А. Поляков (Москва). Историческая наука: Время крутых поворотов..... 31
Г.Д. Алексеева (Москва). Историческая наука в России после победы Октябрьской революции..... 43
В.А. Шишкин (Санкт-Петербург). Советская Россия и Запад в 1920-е годы (Новые подходы к изучению проблемы)..... 59
М. Рейман (ФРГ). Заметки по 1917 году..... 75

II

РУССКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА НА РУБЕЖЕ ВЕКОВ

С.П. Рамазанов (Николаев, Украина). Методологические искания историографии России..... 85
М.Г. Вандалковская (Москва). О традициях дореволюционной науки.. 95
В.П. Макарихин (Нижний Новгород). Историческая мысль российских провинций на рубеже XIX–XX вв..... 109
Н.В. Щербань (Москва). Цивилизационный подход к истории в трудах В.О. Ключевского..... 116
С. Бертолисси (Италия), *Л. Сестан* (Италия). Община и политический кризис в России на рубеже двух веков..... 120
Т. Симосато (Япония). П.Н. Ткачев и современность..... 139
Б.П. Балуев (Москва). Спор народников с марксистами о роли интеллигенции в историческом развитии России..... 167
А.В. Санцевич (Киев, Украина). Концепция истории Украины М.И. Яворского и судьба ученого..... 177
Р.А. Циунчук (Казань). Государственная дума в российском политическом процессе: проблемы историографии..... 186
Ю.И. Кирьянов (Москва). Зигзаги изучения экономического положения рабочих капиталистической России..... 197
С. Сугиура (Япония). "Домоводство" и "политическая экономия" в теории Б.Н. Чичерина. (К вопросу об определении характера русского "либерализма")..... 207

Л.Н. Хмылев (Москва). Методологические аспекты исторической науки на рубеже XIX и XX вв. 225

III

РЕВОЛЮЦИЯ 1917 г.: НА ПЕРЕКРЕСТКЕ ИСТОРИЧЕСКИХ МНЕНИЙ

Б.Г. Могильницкий (Томск). Н.А.Бердяев о русской революции 230
Ф.Х. Касымов, Э.Б. Эргашев (Бухара, Узбекистан). Неофициальная среднеазиатская историография Октябрьской революции (1917–1923). 241
Ким Чан-Чжин (Республика Корея). Кооперативное движение в революционные годы (февраль 1917 – апрель 1918 г.): Историографический взгляд 249
С.М. Исхаков (Москва). Октябрьская революция в освещении мусульманских политиков 258
А.И. Степанов (Москва). "Великая русская революция" в социологии П.А. Сорокина: Сравнительный анализ 267
В.В. Юрченко (Москва). О некоторых правовых аспектах решения II съезда Советов об установлении "советской власти" и его последствиях 283
К. Мацузато (Япония). За конкретный подход к революции 1917 г. 294
В.Г. Афанасьев, Н.П. Стародворцева (Смоленск). Итоги и перспективы изучения II Всероссийского съезда Советов 305
Н. Перейра (Канада). Омск: гражданская война и политика антибольшевизма 316

IV

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА РОССИИ В 20–50-е ГОДЫ

Ж.-Ив. Кальвез (Франция). Важная концепция истории 20-х годов: Россия–СССР как ядро нового мира в дискуссиях по международному праву 324
С. Кадзикава (Япония). О военном коммунизме 331
М. Венер (ФРГ). Был ли нэп? Некоторые размышления об историографии советского крестьянства 20-х годов 338
Ф.-К. Кокен (Франция). Самодержавные источники сталинизма 344
Л.Н. Лютов (Ульяновск). Некоторые проблемы хозяйственного механизма в промышленности России в литературе 20-х годов 352
Ю. Таниучи (Япония). К истории коллективизации сельского хозяйства в СССР: государство и община 364
Ш. Мерль (ФРГ). Взгляд с Запада на советскую историографию коллективизации сельского хозяйства 373
В.Ю. Соколов (Томск). К вопросу о возникновении понятия "советская историография" 388
А.П. Купайгородская (Санкт-Петербург). На разных языках: ученые России апеллируют к общественности (1920 г.) 398
Н.Л. Рогалина (Москва). Русский экономический либерализм 10–30-х годов XX в.: история и современность 406
А.В. Сидоров (Москва). Историография и внутрипартийная борьба: дискуссия 1924–1925 гг. в РКП(б) 416

Е.И. Чапкевич (Орел). Советская историография 20–50-х годов внешней политики России 424
Е.А. Кравченко (Москва). Участие русских и советских историков в первых международных конгрессах историков (МКИН) 436
Л.Е. Морозова (Москва). Концепция русской истории в трудах С.Ф. Платонова 447
С.М. Михайлова (Казань). Советский опыт и национальный вопрос: тюрко-татарская линия эмигрантской литературы 20–30-х годов. 454
Э.Б. Ершова (Москва). Взаимодействие исторических школ: Россия и Белоруссия 463
А.М. Некрасов (Москва). Судьбы отечественного крымоведения в XX в. 466
В.Б. Жиромская (Москва). Всесоюзная перепись населения 1939 г. в историографии: оценка достоверности 469
О.А. Зарубинский (Винница, Украина). Проблема подходов российских историков к изучению западной советологии: опыт прошлого и настоящее 478
Р.А. Киреева (Москва). Из истории советской исторической науки конца 1940-х годов: первое вето в научной жизни А.А. Зимина 487
С.О. Шмидт (Москва). Краеведение и культура России первой трети XX столетия 496

V

ОТ "ОТТЕПЕЛИ" К "ПЕРЕСТРОЙКЕ"

Н.Ф. Бугай (Москва). Депортация народов в СССР – новое направление в отечественной историографии: проблемы изучения 506
Д.Р. Марплз (Канада). Сталинизм в 1940-е годы: взгляд с Запада 514
Ли Ван-Чон (Республика Корея). Сталинская теория "двух лагерей" и "холодная война": современные оценки 524
В.М. Бухараев, В.Д. Жигунин (Казань). "Замещенное" познание: историческая мысль против моноидеологии (60–80-е годы XX в.) 552
Я. Оразклычев (Ашхабад, Туркменистан). Основные проблемы историографии Туркменистана от "оттепели" до "перестройки" 564
В. Берянис (Вильнюс, Литва). Парадигмы литовской исторической науки 572
А.В. Квакин (Тверь). Современные изменения парадигмы истории российской интеллигенции 578
И.И. Колесник (Днепропетровск, Украина). Философия и культурология: пути обновления историографии 592
Ю.Л. Дьяков (Москва). Мифологизированная историография 602
А.Н. Мерцалов, Л.А. Мерцалова (Москва) Освещение в СССР – России второй мировой войны: итоги и проблемы 619
И.М. Некрасова (Москва). Экологические проблемы России (60–80-е годы) в современной литературе (национально-государственный аспект) 630
В.И. Котов (Москва). Этнодемографическая ситуация в России (60–80-е годы): проблемы историографии 636

21.06.04 КВ

Б.Н. Казанцев (Москва). Социальные проблемы российского города. (К историографии 50–80-х годов) 643

VI

НАУКА И ВЛАСТЬ

В.А. Сахаров (Москва). Исторические легенды в политической борьбе 649
Б.В. Ананьич (Санкт-Петербург). "Петербургская историческая школа" (1929–1931) 670
А.А. Овсянников (Москва). Политическое подполье в СССР в 30-е годы: стереотипы отечественной историографии 676
В.М. Панеях (Санкт-Петербург). Ликвидация Ленинградского отделения Института истории АН СССР в 1953 г. 686
Ю.Н. Емельянов (Москва). Издательская деятельность русского зарубежья (С.П. Мельгунов) 697
Л.А. Сидорова (Москва). "Санкционированная свобода" исторической науки: Опыт середины 50–60-х годов 705
Дж. Роберг (США). Когда звучит один лишь голос (о А.Д. Сахарове) 711

Научное издание

РОССИЯ В XX ВЕКЕ

Судьбы исторической науки

Утверждено к печати Ученым советом Института российской истории РАН

Заведующая редакцией "Наука – история" *Н.Л. Петрова*

Редактор *Л.М. Кузнецова*

Художник *Б.М. Рябышев*. Художественный редактор *В.Ю. Яковлев*

Технические редакторы *Г.П. Каренина, Т.В. Жмелькова*

Корректоры *Г.В. Дубовицкая, Р.В. Молоканова, В.М. Ракитина*

Набор и верстка выполнены в издательстве на компьютерной технике

ИБ № 2323

ЛР № 020297 от 27.11.1991

Подписано к печати 22.10.96. Формат 60×90 1/16. Гарнитура Таймс

Печать офсетная. Усл.печ.л. 45,0. Усл.кр.-отт. 45,0. Уч.-изд.л. 50,2

Тираж 1000 экз. Тип. зак. 3310

Издательство "Наука" 117864 ГСП-7, Москва В-485, Профсоюзная ул., 90

Санкт-Петербургская типография № 1 РАН

199034, Санкт-Петербург В-34, 9-я линия, 12